

Владимир Демченко

ГЛАВНЫЕ преступления советской ЭПОХИ

От перевала Дятлова до палача из Мосгаза

Владимир Евгеньевич Демченко
Главные преступления советской эпохи.
От перевала Дятлова до Палача и Мосгаза
Серия «Легенды лучших лет»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9990626

*Главные преступления советской эпохи. От Перевала Дятлова до Палача и Мосгаза / В.Е.
Демченко: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090747-2*

Аннотация

Как же любят злодеи оправдывать себя благими намерениями! Маньяк Чикатило и людоед Джумагалиев уверяли, что избавляют мир от скверны. Налетчики Толстопятовы собирали деньги на разработку неиссякаемого источника энергии. А террористы из семьи Овечкина взяли в руки оружие, чтобы дарить миру музыку. Даже профессиональный вор Николай Калачян, обчистивший Госбанк на 1,5 миллиона советских рублей, заявил, что хотел купить на них диплом юриста, чтобы бороться с коррупцией. Похоже, в советскую эпоху не только комсомольцы и коммунисты, но даже закоренелые преступники подчиняли свои стремления высоким идеалам.

Содержание

Анонс	5
От автора	6
Часть 1	7
Часть 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Демченко
Главные преступления советской эпохи
От Перевала Дятлова
до Палача и Мосгаза

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Анонс

Как же любят злодеи оправдывать себя благими намерениями! Маньяк Чикатило и людоед Джумагалиев уверяли, что избавляют мир от скверны. Налетчики Толстопятовы собирали деньги на разработку неиссякаемого источника энергии. А террористы из семьи Овечкина взяли в руки оружие, чтобы дарить миру музыку. Даже профессиональный вор Николай Калачян, обчистивший Госбанк на 1,5 миллиона советских рублей, заявил, что хотел купить на них диплом юриста, чтобы бороться с коррупцией. Похоже, в советскую эпоху не только комсомольцы и коммунисты, но даже закоренелые преступники подчиняли свои стремления высоким идеалам.

От автора

В последние годы на экраны вышло немало сериалов и фильмов, созданных по мотивам реальных историй советского времени. Эпоха и атмосфера на экране кажутся романтическими, мы вспоминаем о тех годах с теплотой и нежностью, идеализируя героев и даже преступников. Авторы фильмов помогают нам в этом. Грабители и убийцы предстают идейными борцами с режимом или натурами с тонкой душевной организацией, не способными найти себя в советской действительности. Но маньяки и садисты остаются таковыми независимо от места и времени действия. Мотивы налетчиков и насильников одни и те же при любом политическом строе. Узнав, какими были прототипы героев полюбившихся кинолент, от многих иллюзий можно избавиться.

С другой стороны, жизнь часто дает фору самым изобретательным сценаристам. Реальные обстоятельства расследований иногда богаты перипетиями, каких ни в одном художественном произведении не встретишь. В наши дни в арсенале сыщиков сложнейшие генетические экспертизы, съемки уличных видеокамер, биллинг мобильной связи... Всего три-четыре десятка лет назад об этом даже мечтать не могли. Но многие преступления раскрывали с изяществом, проявляя чудеса логического мышления. Работая над криминальными расследованиями в «Комсомольской правде», мне часто приходится вникать в тонкости работы современных следователей и оперативников. Было крайне интересно сравнить их образ мышления и действий с работой их советских предшественников. Меня поразило, что в те времена отсутствие технических возможностей с лихвой компенсировалось смекалкой, самоотверженностью и сплоченностью всего общества. Чего стоит женщина-вагонновожатая, с монтировкой бросившаяся на вооруженных грабителей (это эпизод из истории банды фантомасов). Так что не только сыщикам, всем есть чему поучиться у той эпохи.

Часть 1

Убийца по имени Мосгаз

Как певец оперетты стал первым советским маньяком

Этот человек стал первым и последним кровавым убийцей, переступившим порог кабинета генерального секретаря ЦК Компартии СССР. Его допрашивали лично министр охраны общественного порядка и генеральный прокурор. Он держал в страхе Москву, матери в ужасе брали отпуска, чтобы не оставлять детей дома одних. Тысячи трудящихся писали в газеты и суды, настаивая, что расстрел – слишком мягкое для него наказание.

– Зачем ты убивал? – спросил его один из сыщиков.

– В первый раз мне были нужны деньги, – ответил подсудимый.

– А потом?

– Потом уже не были нужны, – пожал плечами тот, кого в народе прозвали Мосгаз.

В телесериале, вышедшем в 2012 году, преступник – романтичный красавец (его роль сыграл Максим Матвеев). Настоящий монстр и душегуб выглядел настолько жалким и омерзительным, что Никита Хрущев уже через пару минут приказал увести его.

– Чтоб через две недели духу его не было на этом свете, – распорядился он.

Бабушка в комнате

20 декабря 1963 года. Морозный день, а на душе – глубокая оттепель. Почти два десятка лет после войны, страна бороздит космос, сражается за планы пятилетки... Хрущевки, которые ныне сносят, казались хоромами – привыкшие к коммуналкам москвичи перебираются в маленькие, но отдельные квартирки. Да ведь и Новый год скоро, надо уже о шампанском да майонезе думать.

Предпраздничная суэта царила и на Балтийской улице Москвы. Соседи по новостройке еще не успели как следует перезнакомиться, никто толком не обратил внимания на человека, обходящего квартиру за квартирой, проверяющего газовые счетчики и конфорки плит.

– Откройте, Мосгаз, – приглушенным голосом говорил он.

9-летний Володя Теплов открыл дверь. Человек в плотно надвинутой на лоб меховой шапке переступил порог.

– Взрослые есть дома? – спросил он.

– Да, бабушка, она в комнате, – отозвался Володя.

– Хорошо, – вздохнул незнакомец и прошел в кухню. Он покрутил ручки плиты, зажег газ, мельком осмотрел трубы и счетчик. И ушел.

Бабушки дома не было, Володя забыл, что еще вечером ее увезли в больницу. Мама как раз повезла ей теплые вещи. Забывчивость спасла Вове Теплову жизнь.

Когда мама Вовы вернулась, она застала у подъезда целую толпу соседей и милиционеров. Она узнала, что кто-то из Мосгаза убил мальчика, открывшего дверь. В три прыжка женщина долетела до своей двери. Увидев сына невредимым, женщина расплакалась. А потом заперла дверь и отказывалась открывать.

Убийство произошло в соседнем подъезде, погиб 7-летний Костя Соболев. Удостоверившись, что мальчик один дома, убийца попросил провести его на кухню и тут же ударил ребенка топором по затылку. Потом еще раз и еще – около 20 рубящих ударов пришлось на Костино еще не выросшее, но уже мертвое тело. Мама мальчика отлучалась из дому совсем

ненадолго – бегала в мебельный магазин отметить в очереди. Вернувшись, нашла тело сына и лишилась чувств. Словно во сне она отвечала на вопросы следователя, сидя на полу в коридоре. Она так и не нашла в себе сил еще раз зайти в квартиру. Уехала к родне и никогда больше в новостройку не возвращалась.

Очень средний человек

На место съехалась вся столичная милицейская верхушка. Бандиты, грабители, шпана разная – такое в Москве водилось. Но что б ребенка, топором, ни за что ни про что! Из квартиры пропали детский свитер, 60 рублей, флакон одеколона «Шипр» и пляжные очки. И за это его убили?!!

Следов в квартире нелюдь не оставил. Ни отпечатков пальцев, ни зацепившихся волокон одежды, ни окурков. Оставалось надеяться на приметы и описание внешности. Составить его поручили молодому криминалисту Софье Файнштейн. Поговорив с тремя десятками свидетелей, она почти ничего не добилась. Многие видели убийцу на расстоянии вытянутой руки, но толком описать не могли. Среднего роста, среднего телосложения, темное пальто и меховая пыжиковая шапка. Все в нем было среднее и незапоминающееся. Никто не мог припомнить лица: средний человек все время смотрел в пол.

Многие заметили, что мужчина не снимал перчаток. Даже когда «колдовал» над счетчиками и вентилями. Вот и все приметы: разошли такую ориентировку, половину мужского населения в отделения притащат.

КСТАТИ

В странном человеке из Мосгаза сразу бросалась в глаза пыжиковая шапка-ушанка. Убийца завязывал ее не на макушке, а на затылке. Сейчас так делают многие, но в 1963-м это казалось нарушением общепринятых канонов.

Уже собираясь уходить, Софья узнала: есть ещё одна дверь, куда заходил преступник. Это квартира Тепловых. Звонить пришлось долго, перепуганная мама Володи не открывала, пока соседка не подтвердила: у порога именно сотрудник милиции.

Володя Теплов был спокоен. Этот худощавый паренек оказался самым полезным свидетелем. Он единственный смотрел на пришедшего снизу вверх и потому разглядел лицо.

– Он не русский, – сказал он.

Софья Файнштейн удивилась: никто не упоминал об этой важной детали.

– Уверен?

– У него нос горбом. И волосы рыжие, одна прядь торчала из-под шапки.

Софья тут же пригласила смышленного парня на Петровку в МУР. Даже от школы его освободила. Несколько дней они пытались сделать то, что много позже стали называть фотороботом.

В 60-е, без компьютеров и графических программ, это было непросто. Тогда это называлось фотоаппликацией: около 400 фотографий мужчин разрезаны на части, прически, лбы, носы и губы... Софья Файнштейн и Володя словно пазл собирали. Но целого из фрагментов никак не выходило, парень мотал головой: не похож. Файнштейн теряла терпение, Володя чуть не плакал. В разгар дня в кабинет влетел коллега Софьи. Хотел что-то спросить, но осекся: мальчик уставился на сыщика и побледнел.

– Это он, – прошептал школьник, склонившись к уху девушки-криминалиста.

Недоразумение быстро разрешилось. Мужчина оказался очень похож на убийцу, и это сходство помогло закончить портрет. Его показали жителям дома на Балтийской: одно лицо. Но разослать ориентировки не успели, пришла новая беда.

Выжившая девушка

Город ткачих, город невест... Текстильная столица Союза – Иваново. Слухи еще не успели добраться сюда, ничто не омрачало предновогодней радостной кутерьмы. Уже 25 декабря, но милиции не до праздника, Мосгаз объявился здесь. На улице Калинина он ходит из квартиры в квартиру, пока не находит то, что ищет. Михаил Кулешов, 12 лет, дома один. Убийца бьет топором, раненный мальчик бежит в ванную – запереться, спастись. Но убийца вышибает дверь и добивает ребенка прямо там.

Буквально через час на Октябрьской улице убивают 74-летнюю старушку – преступник обрушивается на нее топор 20 раз, не оставляя ни шанса. И снова улица Калинина, другой дом, другие люди. «Мосгаз, проверка. Вы одни?». Находит квартиру, где родителей ждет 15-летняя Галя Петропавловская. Здесь убийца отступает от заведенного порядка. Сначала он насилует девушку и только потом наносит удары топором.

И все – за один день. Милиция сбивается с ног, горожане в шоке. В Иваново мчится бригада столичного угрозыска. Почерк тот же, но вдруг это еще один убийца-изувер? Среди страшных новостей есть и хорошая: Га – ля Петропавловская, несмотря на 7 ударов топором, выжила. Она в тяжелом состоянии, но опасности нет. Даже в сознание пришла. Срывающимся голосом она описывает пережитый кошмар. После нападения она ненадолго пришла в сознание и видела, как преступник не торопясь вынимал все из шкафов и бросал на пол, иногда прямо на нее. Софья Файнштейн показывает девушке составленный портрет. У Гали обморок: это он. В Москве и Иваново действует один и тот же убийца. Серийный убийца. Маньяк.

Это слово в те годы было экзотикой. Нечто вроде авокадо или фуагра. В Союзе не было ни таких деликатесов, ни серийных душегубов. Джеки-потрошители – это для прогневшего Запада, а мы из другого теста. У нас такого не может быть никогда.

Оказывается, может. Маньяк убивает ради самих убийств. Он забирает в квартирах жертв какую-то мелочь, что не может быть мотивом. Расправившись с мальчиком на улице Калинина, он унес пиджак, кофту, две авторучки и несколько облигаций. В квартире пожилой женщины улов и того меньше: карманный фонарик и 70 копеек в кошельке. У изнасилованной девушки взял свитер, кофту, пуховый платок и 90 рублей.

Отпечатков убийца вновь не оставил. Но у выжившей девушки опера все же нашли улику: тетрадный листок, на котором маньяк помечал, в каких квартирах уже побывал. Видимо, пытаясь изнасиловать Галю, он бросил этот листок на стол и забыл о нем. Почерк – это хоть какая-то зацепка. Софья Файнштейн составила специальную таблицу, на ней были видны особенности написания некоторых символов. В МУРе готовились разослать таблицу в отделы кадров предприятий. Пусть сверяют буквы с заявлениями об отпусках и приеме на работу. Адов труд, но что делать.

«Не из наших он, начальник»

После убийств в Иваново скрыть существование маньяка было невозможно. О ЧП доложили министру охраны общественного порядка (нынешнее МВД тогда называлось так) Вадиму Тикунову. Он выслушал, вздохнул и поехал докладывать на самый верх. Хрущев был вне себя. Он хватался за голову, кричал и топал ногами. Страна на подъеме, говорил он, экономика идет в гору назло проклятым империалистам. Трудящиеся счастливы, на последнем съезде КПСС провозгласили, что уже через 16 лет Советский Союз будет жить при коммунизме.

– А значит, с преступностью должно быть покончено. Совсем. Окончательно. Какие маньяки и серийные убийцы, я вас спрашиваю! – так или примерно так отчитывал Тикунова генеральный секретарь. И тут же дал две недели – найти липового мосгазовца во что бы то ни стало. Иначе головы полетят. По крайней мере, с должностей.

Умели видные члены партии мотивировать подчиненных. Вадим Тикунов вернулся в министерство и передал все по команде, добавив немного и от себя.

Впрочем, в дополнительных ускорениях столичная милиция не нуждалась. Все и так работали через край. Усиленные патрули прочесывали улицы, вокзалы, аэропорты. Опера трясли контингент: карманники, карточные каталы, спекулянты и домушники – в оборот брали всех.

– Пройдемте, уважаемый, разговор есть, – выволакивали муровцы блатарей с воровских малин. – Нужно найти уroda. И нам нужно, и вам. А не найдем, нам плохо будет. А вам еще хуже.

Воры в законе рвали на себе рубахи, обнажая наколки на груди, и божились:

– Не из наших это, начальник, век воли не видать...

Отряды дружинников и постовых шерстили подвалы и чердаки. И вот новость: то тут, то там вылавливали стайки нигде не учтенных граждан. Бомжи? Но их-то тоже при коммунизме быть не должно. Оказалось, что в основном это бывшие заключенные, освободившиеся, но лишившиеся жилья. Или те, кого отправили за 101 километр, но кого столица потянула непреодолимой силищей. Многих отпускали – не до них сейчас. Но были и те, кто в розыске – такие быстро возвращались в места не столь отдаленные.

Не обошлось и без курьезов. Почти перед самым Новым годом с Казанского вокзала в главк прилетел сигнал: взяли. Кого? Похожего на портрет мужика в шапке с ушами на затылок. Под полами пальто прятал топор. Муровцы летят на вокзал, и видят в камере... своего же коллегу. У него, как оказалось, специальное задание: прикинуться маньяком и проверять бдительность милиции в местах массового скопления граждан. Что ж, проверил, бдительные оказались на Казанском вокзале. Спасибо не пристрелили при попытке к бегству. А то могли ведь...

Милиция делала все, что могла. Но выйти на след таинственного маньяка не удавалось. Слишком мало зацепок. Каждый сыщик скажет: такое бывает. Упрешься, но ничего. Бьешься, словно о каменную стену.

И не таких видали

В те предновогодние дни Москва наполнилась слухами. Паника? Нет, до нее все-таки не дошло. Но напряжение словно пронзило все вокруг. В курилках на заводах, за чертежными досками конструкторских бюро, в очередях, в кинотеатрах и даже в вестибюлях детских новогодних елок – только и разговоров, что о маньяке. А тут еще участковые устраивают поквартирные обходы: предупреждают, чтобы посторонним двери не открывали и детей и стариков одних не оставляли. Он ведь, изверг, именно на малых да немощных и охотится.

Сочетание букв «Мосгаз» за несколько дней из названия организации стало синонимом ужаса. Им пугали детей – расхожая фраза. Но даже 15 лет спустя бабушка страшила меня им, обучая спрашивать «кто там». А тогда, в 63-м, матери искали любой предлог – больничные, отпуска – только б не ходить на работу и не оставлять детей. Мужики скупали цепочки на двери, а заодно молотки и топоры. Эти орудия занимали место в прихожих рядом с ключами – на всякий случай.

Наших людей, впрочем, ничем не напугать. Находились шутники, что звонили в дверь, грозно басили: «Мосгаз» – и убегали вниз по пролетам. Иногда их ловили. И тогда били

по лицу сильно и много раз. Потому что дети, перепуганные собственными родителями и учителями, от таких звонков в дверь теряли дар речи.

Психоз крепчал с каждым днем, оттягивая драгоценные силы стражей порядка. Сигналы о подозрительных личностях обрушились на милицейские отделения, каждый нужно было проверить, хотя львиная их доля как всегда представляла собой сведение счетов с опостылевшим соседом.

А каково самим работникам Мосгаза?! В те дни на этом предприятии вышло распоряжение: прекратить любые проверки в жилом секторе. А то нервные жильцы всех работников покалечат. Как минимум один такой случай был. К мужику-фронтовику приехали плитку менять. А тот возьми да с самого порога накинься на газовика с молотком. С криком «Не возьмешь, на войне и не таких видали». Хорошо парень-газовик успел увернуться и броситься наутек. Попал только в больницу, а не в морг.

В общем, Москва замерла в напряженном ожидании. Либо поймают этого гада, либо он еще кого-нибудь убьет. Жители, постовые, сыщики – ждали все. Потому что, как это ни прискорбно, иногда раскрыть преступление помогает... новое преступление.

Четкий отпечаток

Софья Файнштейн снова и снова прокручивала в уме события последних дней. Некто, представляясь сотрудником Мосгаза, ходит по квартирам и ищет жертву. На «охоту» он выходит днем, когда мамы и папы на работе, а дети дома одни. К борьбе он не готов, убивает слабых. Трус, возомнивший себя вершителем судеб.

Преступник не следит за квартирами и хозяевами, вообще не готовится к визиту. Деньги берет, но не трогает ценности, которые можно было бы сбыть. Например, сервизы, хрусталь... Так что искать похищенное на рынках и у скупщиков краденого смысла нет.

Что же еще? Женщина-криминалист чувствовала, что она что-то упустила. Что рассказывала выжившая Галя Петропавловская? На вид лет 30–35, среднего роста, худощавый, неширокие плечи, короткая шея... Девушка сказала, что он, скорее всего, не занимается ручным трудом. Почему она так решила? Потому что руки у него белые, без намека на мозоли. Пальцы длинные и тонкие. Похоже, какой-то интеллигент. Ну и что с того?

Как что?!

У Софьи даже дыхание перехватило. Молодая женщина бросилась по коридору в кабинет начальника. Не обращая внимания на протесты секретаря, распахнула дверь и ворвалась посреди совещания.

– Помните, Петропавловская рассказывала про его руки, – запыхавшись, выпалила Файнштейн. – Это значит, он все-таки снял перчатки.

Ну конечно, не будешь же ты в перчатках прикасаться к девичьему телу! Квартиру в Иваново на улице Калинина эксперты излазили вдоль и поперек, но вдруг все же пропустили след? В город невест тут же полетело срочное поручение: немедленно направить экспертов на Калинина еще раз. Пусть еще раз осмотрят все миллиметр за миллиметром.

Время в МУРе словно застыло. Все ждали вестей, проходя по коридору, взглядом спрашивали друг друга: «Ну как? Еще не закончили? Скорее бы...». Через несколько часов в кабинете Файнштейн раздался звонок. Опера обступили аппарат, Софья подняла трубку. По ее лицу сразу стало ясно: вести неутешительные. Н-И-Ч-Е-Г-О. Похоже, уходя, маньяк тщательно протер все, к чему прикасался.

Понурился, опера начали расходиться. Файнштейн задумчиво подошла к сейфу и вытащила упакованный в целлофан листок с выведенными неровным почерком номерами квартир. Тот самый, что убийца оставил на столе Галиной квартиры.

– Давайте проверим на всякий случай, – сказала криминалист.

Через полчаса уныния как не бывало. На листке был четкий отпечаток большого пальца. Вот это удача! Курьер помчался в картотеку Министерства общественного порядка.

Если убийца хоть раз попадал в поле зрения милиции, скоро о нем будет известно все.

Скоро? В наши дни изображение отпечатка отправили бы по электронной почте, специальная программа за несколько часов сравнила бы его с сотнями тысяч хранящихся в базе. Результат был бы действительно скоро – в тот же день. Но тогда работникам картотеки предстояло вручную, вооружившись лупами, извлекать со стеллажей карточки и сравнивать их с образцом.

Такая работа отнимает месяцы. Учитывая важность и срочность задачи, на ее решение бросили чуть ли не весь имеющийся штат. Ответ мог прийти через дни.

Часы и телевизор

28 декабря, Ленинградский проспект. В подъезд пятиэтажки входит невысокий человек. Он звонит в квартиры и сверяет данные счетчиков.

– А ты не Мосгаз случаем? – недоверчиво и испуганно интересуется старушка, приоткрыв дверь на цепочку.

– Нет, я из ЖЭКа, – улыбается незнакомец и что-то пишет в блокноте.

Скрытность и нежелание сеять панику сыграли с милицией злую шутку. Если бы фоторобот преступника висел у каждого подъезда, он и шагу бы не смог ступить. Но питаясь слухами о таинственном маньяке, москвичи не знали, как он выглядит. Молва с ее испорченным телефоном преобразила убийцу, представив огромным кровожадным монстром. Стоило изувеченному сменить «легенду» с Мосгаза на ЖЭК, и он, средний и серый с виду человек, перестал вызывать подозрения.

В том доме на Ленинградском проспекте он скоро набрел на доверчивого 11-летнего Сашу Лисовца. Как и в Иванове, после первого удара паренек бросился бежать, даже заскочил в туалет... Но убийца все равно изрубил его. Эксперты снова не нашли никаких следов. Но в этом доме преступник ничего не взял. Родители, отправившись на работу, заперли дверь в свою комнату, оставив сыну только кухню и детскую. Найти ключ маньяк не смог. Ни в крохотной комнатке Саши, ни на кухне ему ничего не приглянулось.

Новое убийство не дало толчка к расследованию. Впрочем, место маньяк снова выбрал в северной части города, и это хоть чуть-чуть могло сузить зону поиска. Сыщики торопили работников картотеки, те выбивались из сил, но пока не нашли совпадений.

Наступил Новый год. Милиция продолжала шерстить город, но сыщики не ждали новых преступлений на праздничные дни.

Ведь взрослые дома, вероятность застать ребенка одного близка к нулю. И действительно: ни в три праздничных, ни в последующие несколько дней маньяк никак не проявлял себя.

Только 8 января на пульт дежурного по городу поступил звонок:

– У меня с потолка капает кровь, – в ужасе кричала жительница дома на Шереметьевской улице.

В квартире сверху нашли убитую женщину. Это была 46-летняя Мария Ермакова, она сидела в кухне за столом, уронив разрубленную голову на руки. Женщина впустила «работника ЖЭКа» и, видимо, собиралась показать какие-то квитанции. Следов снова не было. Но здесь сыщиков ждала долгожданная зацепка.

Из квартиры Ермаковой пропало пять мотков пряжи, три пары носков, кошелек, 30 рублей, настольные часы «Мир» и... телевизор «Старт-3» Московского радиотехнического завода.

Это был один из самых популярных телевизоров того времени. Он стоил 234 рубля, принимал 12 программ и давал довольно качественное для массового потребителя изображение. За «Стартом-3» в магазинах была очередь по записи, он даже шел на экспорт в страны социалистического лагеря. Каждый такой телевизор имел уникальный номер. Это как VIN у машины – табличка с номером крепилась на задней панели и указывалась в техпаспорте. Техпаспорт оперативники быстро нашли в столе Ермаковой. Оставалось найти сам телевизор.

Чекист, которого нет

Кто-то должен был видеть невысокого человека с телевизором, выходящего из подъезда в середине рабочего дня. Группа начала прочесывать окрестности, опрашивали каждого встречного, заходили в квартиры. Несколько человек видели, как похожий на фоторобот мужчина грузил телевизор в кузов грузовика. Мало того, местный участковый даже запомнил часть номера машины. Он шел со службы на обед, в грузовике и телевизоре ничего подозрительного не увидел. Но цепкий и профессиональный взгляд автоматически выхватил две цифры – 96.

Уже через пару часов во всех автопарках столицы шли проверки. На следующий день нужную машину нашли: номер МОЖ 96–26. Шоферам запрещалось подвозить пассажиров и левые грузы, но все водилы делали это. «Шеф» из грузовика сначала отпирался, но потом признался. Да, было дело, сговорился с мужиком подбросить его и телевизор. А что, взял немного. А высадил... Да, точно, на углу Трифоновской и 2-й Мещанской.

Две недели, отпущенные генеральным секретарем, шли к концу. Но тут сыщики почувяли запах скорой добычи. Вряд ли убийца с телевизором отпустил грузовик далеко от своей норы. Он точно живет рядом с перекрестком. Милиционеры взяли в сеть весь квартал и вскоре нашли телевизор. Его номер совпал с цифрами в техпаспорте. Владелец божился, что купил его в прямом смысле слова у первого встречного.

– Не мог я не купить, – бил себя в грудь мужик. – Он ведь всего за 60 рублей отдавал. Сказал, что срочно нужны деньги на билет куда-то и на дорогу.

– Этот продал? – оперативник протянул фоторобот.

– Он самый, – подтвердил мужик.

– Показывай, где живет...

Точного места покупатель указать не смог.

Но, прочесав несколько подъездов, опера выяснили: на 4-м этаже у старушки сняли комнату не прописанные в Москве мужчина и женщина. Хозяйка тоже сразу опознала мужчину, а в комнате обнаружили мотки пряжи, фонарик, детские кофты и даже пляжные очки – почти все, похищенное у убитых.

В комнате оставили засаду. Выключив свет и держа пистолеты наготове, муровцы готовились брать жестокого убийцу. Ближе к ночи ключ во входной двери повернулся. В квартиру вошла молодая хрупкая женщина. Одна.

Увидев милиционеров, дама сначала растерялась, но потом словно приняла стойку. Она поджала губы, весь ее облик говорил, что она готова чуть ли не к пыткам.

– Кто твой сожитель? – спрашивали ее. Она надолго задумалась.

– Его зовут Владимир Ионесян, – сказала дама наконец. – Он майор КГБ, выполняет важное и секретное задание. Больше я ничего не скажу.

Немая сцена. Информация тут же пошла вверх, дошла до министра Вадима Тикунова. Глубокой ночью Тикунов разбудил звонком председателя КГБ Владимира Семичастного. Тот поднял кадровую службу. Уже к утру было известно, что никакого чекиста по фамилии Ионесян не существует.

Но девушка не хотела в это верить.

– Ну конечно никто не говорит вам правды, – твердила она. – Володя на секретном задании, его не раскроют до тех пор, пока он это задание не выполнит.

В сумочке несговорчивой дамы был паспорт на имя Алевтины Николаевны Дмитриевой. Документ подлинный: уроженка Казани, 21 год. О себе она говорить не отказывалась: окончила хореографическое училище, работала танцовщицей в Оренбургском театре музыкальной комедии. Теперь вот приехала в Москву в поисках лучшей доли.

Но кто такой Ионесян? Девушка хранила молчание.

Перед рассветом на 2-ю Мещанскую приехал курьер с вестью: в картотеке наконец нашли совпадение отпечатка пальца. Его обладатель действительно Ионесян Владимир Михайлович, дважды судимый уроженец Тбилиси, солист того же оренбургского театра. Так что к убийце по кличке Мосгаз муровцев привели сразу две ниточки. Уже скоро они знали об Ионесяне все.

Молодой отец

Владимир Ионесян родился в 1937 году и рос весьма капризным и нервным мальчиком. Уже в раннем возрасте родители заметили, что он хорошо и с удовольствием поет. И не стали ограничиваться детскими утренниками – отдали вундеркинда в музыкальную школу. При каждом удобном случае они подчеркивали, что их сокровище непременно станет всемирной знаменитостью. И впечатлительный ребенок впитывал эти предсказания, как воду песок пустыни.

В школе Володя держался особняком, подчеркивая свое превосходство над сверстниками. А те смеялись над певцом – среди сорванцов занятия музыкой считались странным, не мужским делом. После школы Ионесян поступает в консерваторию. Но не заканчивает, бросает из-за какой-то «нервной болезни». А потом попадает за решетку за уклонение от службы в вооруженных силах. Приговор – 2,5 года. «Дезертир» отбыл только год и вернулся в Тбилиси.

Это был уже 1960 год. Ионесян встречает девушку с красивым именем Медея. Уже скоро молодые играют свадьбу, рождается сын. Но семья влачит жалкое существование, невыносимое для молодого дарования. Достойной и денежной работы молодой супруг найти не может. Вместе с школьными друзьями-насмешниками он идет на групповую кражу. Попадает вся компания. Кто-то отправляется в колонию, но Ионесян остается на свободе: суд идет навстречу молодому отцу и дает пять лет условно.

Медея боится за мужа, она понимает, что старые друзья не оставят его в покое. Она находит для него место в театре в Оренбурге, и семейство перебирается туда. Именно в Оренбурге начался путь, приведший Ионесяна в дома убитых им людей.

В театре Ионесян играет второстепенные роли. Он постоянно намекает режиссеру, что достоин большего, что вся труппа певцов в подметки ему не годится. К этому относятся снисходительно. Что поделаешь, творческая личность. Артисты вообще очень заносчивые, приходится терпеть.

Супруги Ионесян уже начали привыкать к Оренбургу, казалось, жизнь налаживается, сынишка растет, и впереди только прекрасное будущее. Но в ноябре 1963 года, за месяц до первого убийства на Балтийской улице, в Оренбург из Казани приезжают трое. Некий художник, его жена-танцовщица и ее подруга, тоже танцовщица Алевтина Дмитриева. Женщины устраиваются работать в тот же театр музыкальной комедии. Вся троица селится в той же принадлежащей театру коммуналке, где уже обжилась чета Ионесян.

Впереди – Москва

Дмитриева девушка эффектная, она сразу пробуждает интерес мужской половины труппы. Алевтине преподносят подарки и цветы, оказывают знаки внимания, чуть ли не каждый вечер после спектакля ее провожает какой-нибудь кавалер. Куда тут Ионесяну, симпатичному, но все же скучноватому и неинтересному. Девушка общается с ним по-соседски, стараясь свести ухаживания этого женатого мужчины к шуткам.

А Володя Ионесян чувствует, что влюбился, будто в омут сиганул. С головой – не вынырнешь.

Сидя дома с молодой женой, он придумывает предлоги, чтобы выскочить на кухню или в коридор, если слышит, что там Аля. Влюбленный нарочно сталкивается с ней за кулисами, ждет у подъезда, чтобы вместе подняться на этаж. Он заводит душевные разговоры и играет роль человека, в душе которого есть какая-то тайна. Что еще нужно впечатлительной артистке! Ионесян и сам не знает, что это за тайна, но главное ведь – туману напустить...

Так продолжается меньше месяца. Руководители театра понимают, что обворожительная Алевтина как танцовщица не стоит и ломаного гроша. Актерский мир жесток, девушку сухо информируют, что в ее услугах не нуждаются, предлагают поискать себя где-нибудь еще. Для молодой амбициозной девушки это настоящий удар. Что же теперь, возвращаться в Казань? А там? Найдет ли она тот театр и ту роль, что поможет ей начать головокружительную карьеру? На коммунальной кухне ее успокаивают всем миром. А Ионесян понимает, что это шанс.

Улучив момент, Володя отводит Дмитриеву в сторону и признается, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Работа в театре и семья – лишь прикрытия. Он сотрудник КГБ, выполняет задание и в Оренбурге находится лишь по долгу службы. Как раз теперь необходимость в этом отпала, его переводят в Москву. Он – вот это да! – может взять ее с собой и устроить со временем в любой театр. Хоть в Большой. Алевтина несомненный талант, и только застрявшие в Оренбурге бездари могут не видеть этого.

Сердце девушки екает и тает. Уже через несколько дней они мчатся в скором поезде. Ионесян оставляет семью, не сказав ни слова. Даже из театра не увольняется, просто не приходит однажды на репетицию, и все. Зачем утруждать себя объяснениями, ведь эти люди уже в прошлом. А впереди – Москва.

Ликвидировал предателя

Все это Дмитриева рассказала позже, когда поняла, что засекреченный друг обманул ее как последнюю дуру. Она поражалась своей наивности – мечты о красивой жизни словно покрывалом плотной ткани закрыли ей глаза.

В Москве ее ждала лишь комната на Мещанской – ее сняли прямо на вокзале. Хозяйке «молодожены» понравились – жаль, что без прописки, придется говорить соседям, что это племянница с мужем.

Но где обещанная роскошь, обеды и светские приемы? Алевтина заикнулась было об этом, но возлюбленный тут же ее урезонил:

– Дорогая, я же выполняю задание. Такова моя легенда, нельзя выделяться. Так что пока никаких ресторанов. Но подожди, все будет.

Что ж, ради большой цели можно и потерпеть. Утром Ионесян одевался и уходил «на службу». Он слонялся по городу и думал, как разорвать узел нищеты. Наверное, уже тогда он решил разрубить его и купил в ГУМе туристический топорик.

Было 17 декабря, три дня до первого убийства. Ионесян честно попытался устроить Дмитриеву в какой-нибудь московский театр. Но тщетно. У него был знакомый режиссер, но он жил и работал в Иванове. «Суперагент» заявил возлюбленной, что по долгу службы ему придется отправиться в этот город, а она сможет пока поработать там. На следующее утро они купили билет. Один, для Алевтины. На второй не хватило денег.

– Не волнуйся, сейчас я съезжу «в контору» и возьму столько, сколько надо, – сказал Ионесян, спрятал топор под пальто и отправился на Балтийскую улицу.

Поверить в это трудно: Ионесян убил Костю Соболева лишь для того, чтобы купить билет до Иванова. Проезд стоил не больше 10 рублей. Маньяк взял 60 – хватило и на еду в дороге, и на комнату в городе невест. Они прожили там 4 дня. Надежды на работу в театре рассыпались сразу: у знакомого режиссера не было для Алевтины вакантных мест. Убийца побегал по другим заведениям без всякого толка.

25 декабря Ионесян устроил в Иваново кровавую баню. Почему он пошел сразу на три убийства? Опять из-за денег? Скорее всего. Ему была нужна наличность на обратную дорогу и предстоящие праздники. В первых двух квартирах добыча составила всего 70 копеек, Ионесяна это не могло устроить. У изнасилованной девушки он нашел 90 рублей. И тогда решил прерваться ненадолго.

Впрочем, только алчностью зверства маньяка вряд ли можно объяснить. Деньги скорее были бонусом в кровавой игре. Испытав вкус убийства, чувство власти над незащищенным существом, он уже не мог сказать «стоп». Топорик был теперь всегда на его поясе под пальто. Ионесян знал, что будет убивать ради убийств, а заодно обеспечит деньгами себя и любимую.

Из Иванова выбирались по всем правилам конспирации. Больше 10 километров шли пешком, только потом сели на автобус. Ионесян объяснил спутнице, что его преследуют враги Советского Союза, что нужно быть осторожными. Девушка увидела кровь на его пальто. Убийца не смутился, достал окровавленный топор и заявил, что убил предателя Родины, не позволил ему передать ценнейшие сведения на Запад. Девушка поверила и даже помогла оттереть снегом «орудие возмездия». Позже, в Москве, Ионесян уже не прятал топор. Теперь Алевтина подавала кавалеру это жуткое оружие, когда тот уходил «на службу».

Встреча на вокзале

Телевизор в квартире Марии Ермаковой Ионесян забрал снова из-за денег. Не нашел достаточно наличности, вот и прихватил, что приглянулось. Тогда маньяк собирался отправиться в Казань и попытаться обосноваться там. Чувствовал, что в столице уже земля горит под ногами, а в родном городе любимой устроиться, казалось, было легче, чем где-то еще.

Ионесян объяснил Алевтине, что сначала ему нужно поехать одному, а она догонит через несколько дней. Когда сыщики схватили Дмитриеву, об отъезде сожителя она поначалу не обмолвилась ни словом. Но в ее сумочке лежал билет до Казани. Через сутки допросов, убедившись, что Ионесян и правда не тот, за кого выдает себя, девушка созналась: в Казани на вокзале он должен ее встречать.

Доложили министру Тикунову. Он распорядился провести задержание так, чтобы шанса уйти у изувера не было. Наверное, арестовывать любого другого пошли бы лишь несколько оперативников. Посадили Дмитриеву в поезд и взяли бы маньяка при встрече. Но тут решили исключить любые случайности. Побоялись даже того, что актриса как-то предупредит преступника, и тот сможет скрыться.

Вместо Дмитриевой на поезд посадили одну из сотрудниц. На Петровке даже провели что-то вроде кастинга с участием гримеров с «Мосфильма». Они сделали так, чтобы за несколько метров Ионесян не заметил подмены. А ближе его никто не подпустит.

Утром 12 января на вокзале в Казани царила суэта. Владимир Ионесян появился на платформе, когда поезд из Москвы уже тормозил. Он пробрался через толпу и увидел в окне лицо девушки, из-за которой бросил жену и ребенка. Маньяк радостно махнул рукой и побежал к двери вагона. Хотел зайти внутрь и помочь любимой с вещами. Девушка улыбнулась и помахала в ответ. Ионесян ухватился за поручень и прыгнул на подножку. Тут на его запястье щелкнули наручники.

Грозный убийца тут же обмяк и превратился в жалкое существо. Он не стал отпираться, да это и не имело смысла. Он был в том же пальто с пятнами крови, за поясом болтался топор.

Сознает свою подлость

В Москву полетела телеграмма: «задержан». Уже через несколько часов в здании Министерства общественной безопасности в Москве Ионесяна допрашивали министр и генеральный прокурор. Душегуб рассказывал все. Выдержки из этого допроса спустя почти 50 лет опубликовала «Комсомольская правда» (см. номер от 20 декабря 2012 года).

– Помню, старуха была, потом мальчик и женщина была, – сбивчиво говорил Ионесян. – Сейчас я очень ужасный человек, а в прошлом – очень хороший человек.

В газетах появилось короткое сообщение об аресте убийцы. Никто не думал, какую оно вызовет бурю. Письма трудящихся и целых коллективов засыпали Министерство общественного порядка, ЦК партии и центральные газеты. Граждане требовали сурового наказания. Предлагали заменить расстрел повешением и даже четвертованием. Причем казнь предлагалось сделать публичной. Партийные бонзы решили к столь экстремальным мерам не прибегать. И вообще провести процесс без широкой огласки.

КСТАТИ

Из-за быстрого следствия и казни Ионесяна врачи и ученые не успели как следует изучить мотивы его преступлений. Известный антрополог и скульптор Михаил Герасимов, которого тоже привлекали к расследованию, пришел к выводу, что убийства были способом самоутверждения, способом добиться всеобщего признания.

Убийца понимал, что дни его сочтены. Но не думал, что все случится так быстро. Когда генсек партии распорядился за две недели утрясти все формальности, неповоротливая обычно судебная машина завертелась, как турбина. Около недели ушло на следствие, еще столько же на суд. Ионесян как мог выгораживал Алевтину Дмитриеву, но ее все равно приговорили к 15 годам колонии как сообщницу.

А Ионесяна ожидаемо приговорили к расстрелу. В последнем слове он все-таки попросил судей сохранить ему жизнь. Потом даже написал прошение о помиловании. Канцелярия ЦК партии пропустила этот документ без очереди, Хрущев отклонил его уже на следующий день.

Со дня первого убийства на Балтийской улице прошло 43 дня, когда министр охраны общественного порядка Вадим Тикунов писал в бюро ЦК КПСС:

«Докладываю, что приговор Верховного суда РСФСР об осуждении к смертной казни – расстрелу в отношении Ионесяна Владимира Михайловича приведен в исполнение 31 января 1964 года в 23 часа. Труп предан кремации. Перед исполнением приговора Ионесян заявил, что он осознает, что перестал быть человеком, сознает «свою подлость» и что за убийства заслуживает смерти. В течение беседы Ионесян старался выгородить свою соучастницу Дмитриеву, заявляя, что она ничего не знала о совершенных им преступлениях и ни в чем не виновата. При исполнении приговора Ионесян сопротивления не оказывал».

Часть 2

Как обокрасть советский банк

Два брата вынесли из хранилища

1,5 миллиона рублей и скрылись

Но жадность выдала их...

Смертники, которых жаль

Как в СССР расстреливали приговоренных к высшей мере? В затылок. Иногда из пистолета, но чаще из мелкокалиберной винтовки: у нее ниже убойная сила, выстрел с близкого расстояния оставляет в черепе лишь небольшое отверстие.

Помещение для приведения в исполнение смертных приговоров обычно находилось в подвале тюрьмы. Две комнаты – в одной стол и стулья. Смертников встречал прокурор, он просил назвать себя, уточнял дату рождения, место жительства и так далее. Главное, чтобы по ошибке в подвал не попал другой человек.

Смертникам не говорили о том, что должно произойти через несколько минут. Но многие догадывались. Кто-то начинал плакать, другие молились, замыкались на оставшиеся минуты, передавали родным последние слова. Их пытались обмануть: говорили, что в соседней комнате сидят депутаты, которые в виде исключения примут еще одно прошение о помиловании. Но за дверью второй комнаты стоял палач. Он стрелял один раз, потом делал второй, контрольный... Врач фиксировал смерть. Пока тело остывало, все участвовавшие в церемонии поднимали рюмку за упокой души. Какой-никакой, а все же человек был.

Обычно между приговором и подвалом проходило 2–3 года. Смертник подавал апелляции, просил главу страны о помиловании... Иногда расстрел меняли на 25 лет заключения. Счастливчиков было мало, примерно один на десятерых казненных. Братьям Николаю и Феликсу Калачян повезло – их помиловали со второй попытки, специальным решением Верховного Совета СССР. Но судьба сыграла с ними злую шутку: документ опоздал – всего на 24 часа. Когда фельдъегерь добрался до следственного изолятора, братьев уже не было в живых.

Калачяны, наверное, одни из немногих смертников, кого многим и по-настоящему было жаль. Даже следователям и судье. Они никого не убили и не покалечили, а всего лишь... совершили самое дерзкое в истории СССР ограбление Госбанка. Вынесли из хранилища полтора миллиона рублей – тогда новенькие «Жигули», мечта каждого советского человека, стоили всего 7 тысяч.

В 70-е расстреливали за кражу у государства даже 10 тысяч рублей. Что же говорить о полутора миллионах! Судья, зачитав смертный приговор, обратился к братьям: «Мне очень жаль, но я ничего не могу сделать».

Дыра в потолке

В понедельник, 8 августа 1977 года, работники Госбанка Армении в Ереване, как обычно, открыли дверь хранилища наличных средств на втором этаже. Это была комната-сейф: глухие бетонные стены, пронизанные датчиками сигнализации, и тяжелая стальная дверь, ее сенсоры выведены на пульт охраны и в отделение милиции. Деньги здесь хра-

нились прямо на стеллажах: казалось, что постороннему проникнуть сюда невозможно. Да и не грабят в СССР банки, разве что сберкассы иногда...

Но в тот день служащие изменили отношение к слову «невозможно». На полу хранилища валялись куски бетона, а в потолке зияла дыра. Маленькая, разве что кошка в нее пролезет. Пачки денег на стеллажах были разбросаны, многих не хватало. Было ясно, что в хранилище побывало отнюдь не домашнее животное. С потолка из дыры свисала веревка с аккуратно, через каждые 60 сантиметров завязанными узлами. На полу валялись победитовые сверла, ручная дрель-коловорот, зубило и... раскрытый детский зонтик. В углу валялись пять пустых бутылок из-под минеральной воды «Джермук». Комната наверху была предназначена для отдыха сотрудников банка. Дверь взломана, паркет над дырой аккуратно вскрыт. Но нигде не было ни одного отпечатка пальцев.

Только к концу дня в банке подсчитали пропавшие деньги. 1 миллион 525 тысяч рублей – гигантская сумма. 110 пачек новеньких сторублевок, 50 пачек пятидесятирублевок, 30 пачек купюр по 25 рублей и 100 пачек «червонцев». Десятирублевки уже были в употреблении, а все остальное, как следовало из описи, только вышло из-под печатного станка. О происшедшем немедленно доложили наверх. Дошло до ЦК партии и лично Леонида Брежнева. Руководство страны было в шоке: такого в СССР еще не было, потому что просто не могло быть.

Как воры пробрались внутрь? Рядом с банком стоял жилой дом, его стена вплотную прилегала к стене финансового учреждения. А на расстоянии трех метров от окон третьего этажа – крыша другого дома. Все окна третьего этажа оборудованы решетками. Но в банке шел ремонт, и в те выходные одно из окон в коридоре третьего этажа было пустым. Рабочие сняли и раму, и решетку, но не успели водрузить обратно до конца рабочего дня. Эти аксессуары так и стояли в коридоре.

Напрашивалось предположение, что преступник... прыгнул с крыши в это окно? Неужели это возможно? Высота потолков в банке – 4 метра, если бы прыжок не удался, преступник рухнул бы с 10-метровой высоты на асфальт. Сыщики специально пригласили на крышу спортсмена-гимнаста, чтобы тот оценил вероятность такого прыжка. Стоя на краю, атлет сказал:

– Прыгнуть, наверное, можно. Но я бы не рискнул.

«Глухарь» на 1,5 миллиона

Изучив версию прыжка со всех сторон, сыщики все-таки решили остановиться на ней. Другого способа попасть на третий этаж банка просто не существовало. Но что делать дальше? Следователь Эдуард Аствацатарян выдвинул вполне логичное предположение: преступление не обошлось без помощи кого-то из сотрудников банка. Под подозрение попали все, включая администрацию. А это около 200 человек. Оперативники тщательно проверяли каждую мелочь: семейное положение, круг общения, образ жизни и достаток. В те времена в анкете каждого указывалось, есть ли судимые родственники, накладывались ли штрафы, состоял ли на учете в милиции в детстве. Так что можно было проследить все связи и выявить подозрительных друзей и знакомых.

Несколько недель проверялись крупные и средние покупки служащих. Но недели кропотливой работы результатов не дали. Конечно, мелкие грешки водились и за сотрудниками банка, но не такие, чтобы всерьез подозревать их в ограблении века.

Допросили с пристрастием дежуривших у банка милиционеров. Внутри охраны не было – все закрыто и под сигнализацией. Пункт милиции на улице, милиционеры должны бодрствовать и каждые полчаса ходить вокруг здания и проверять, все ли в порядке. Но

наряд на это дежурство традиционно считался среди милиционеров «поездкой на дачу». Не родился еще тот человек, что рискнет сюда залезть, нечего зря напрягаться.

В общем, милиционеры долго отнекивались, а потом сознались: ночью они заперлись в своей будке и спали. Так же, как делали все их сменщики. Милиционеров этих, конечно, уволили. Но к разгадке тайны кражи это не приблизило.

Что же делать? «Висяк», «глухарь» на 1,5 миллиона. Но была одна зацепка. Большую часть суммы преступники взяли в пачках новеньких, только отпечатанных сторублевых купюр. У них была одна серия – АИ. Выяснив это, следователи сразу отправили во все сберкассы, рестораны и магазины страны телеграммы: в случае получения такой сторублевки немедленно сообщать в милицию. В Москву тоже ушел запрос: нельзя ли приостановить обращение банкнот серии АИ. Решение непростое, вывести из обращения на неопределенный срок нужно порядка 14 миллионов рублей. Но Брежнев, не сомневаясь ни секунды, подписал бумагу.

В ту самую минуту, когда дорогой Леонид Ильич водил пером по бумаге, Николай Калачян, высокий плотный 26-летний парень с красивым мужественным лицом, тоже ломал голову над проблемой банкнот серии АИ. Он понимал, что две эти буквы могут вывести сыщиков на него и брата. «Эх, надо было брать больше пачек мятых червонцев, – сокрушался он. – Но не пойдешь же теперь обратно в хранилище и не попросишь поменять. Ладно, я что-нибудь придумаю. Всегда придумывал».

Проходящий сквозь стены

Коля Калачян всегда сочетал в себе ум и изобретательность с одной стороны и смелость, бесшабашность и презрение к закону – с другой. Он родился в Красноярске в 1951 году в семье инженера. Семья хлебнула лиха. Когда мальчику было 11 лет, отец заболел раком. Уходил долго и мучительно, мать возила его по целителям и врачам, доставала зарубежные препараты, отдавала на лечение все деньги, продавая даже мебель, посуду и ковры. Но денег все равно не хватало. Николай жил впроголодь, он смотрел на сытых и румяных сверстников и проклинал свою нищенскую судьбу.

Отец умер, когда Николай учился в 6-м классе. Парень тогда сбежал из дома, прибил к табору цыган и помогал продавать наркотики. Само зелье его не интересовало, но работа посыльного давала хорошие карманные деньги. А Коля поклялся себе, что сделает все, чтобы никогда больше не быть бедным.

Через несколько месяцев мама с огромным трудом вернула сына домой. Николай снова пошел в школу, но от учебников его воротило. Он много читал, проглатывал книги одну за другой. Это были романы о мужестве, воле, бесстрашии и силе. Парень и так был мускулистым и харизматичным, но старался до предела развить в себе качества мужчины и лидера.

За ним постоянно увивалась ватага шпаны. Коля подворовывал на рынках, иногда в магазинах. Он открыл, что может проходить через стены. Только не через бетонные, а через каменные или кирпичные. Берешь зубило и понемногу выскребаешь застывший раствор, расшатываешь кирпич и вынимаешь его. Потом следующий, и так до нужного отверстия.

Однажды он попался – вытащил первый кирпич из стены магазина, когда его схватил участковый. Милиционер знал мать Николая и не стал давать делу ход. Но предупредил: еще раз – пеняй на себя. Мама в ужасе отправила его в Армению, в Гюмри, к родственникам. Николаю тогда было 16 лет.

Долго в Гюмри он не прожил. Повздорил с мужем родственницы, тот был значительно старше, но Коля избил его до полусмерти. Родня отправила его назад к матери, но та поездка определила его судьбу. Именно в Гюмри Коля познакомился с Феликсом Калачяном.

Феликс и Николай были троюродными братьями – родными братьями были их деды. Феликс, казалось, был полной Колиной противоположностью. Худощавый, скромный и спокойный. От природы был жилистым, сильным и гибким. Мог завязаться узлом и подтянуться несколько раз на одной руке. Занимался гимнастикой, мог, наверное, выбиться в чемпионы... Но не искал славы и наград. Не блистал он и в учебе и не стремился сделать карьеру. Закончив школу, Феликс стал дворником и женился на уборщице по имени Маруш. Супругу любил, а еще больше любил двух дочек, которые родились у супругов в начале 70-х одна за другой.

Правда, нищенская жизнь скоро стала терзать Феликса. Один с женой он мог прожить и на зарплату, но вот для детей хотел совсем другой жизни. Пытаясь вырваться из круга бедности, Феликс стал неразлучен с Николаем, который вернулся в Армению, как только достиг совершеннолетия.

Неучтенные магнитофоны

В солнечном Ереване Николай устроил себе жизнь, к которой стремился. Он не работал, но у него всегда были деньги. Он снимал комнату, подворовывал, кутил с друзьями и крутил романы с ереванскими красавицами. Женщины обожают таких мужчин: крепкие мускулы, широкие плечи, волевое лицо с чувственными губами...

Но Николай всегда мечтал о настоящем богатстве, куше, который позволит не задумываться о деньгах до глубокой старости.

Когда Феликс в один из приездов в Ереван пожаловался на судьбу, Николай положил ему руку на плечо.

– Оставайся со мной, – сказал он. – Точно говорю, уж пару зарплат дворника мы тебе организуем.

Так и порешили. Жене Феликс сказал: уехал «шабашить» – работать на частных стройках дач и загородных домов. Неудавшийся дворник, правда, поначалу чувствовал себя не в своей тарелке. Ведь с детства ему внушали, что воровство – это зло. Но когда после одной из краж Феликс отправил домой 300 рублей (а дворник получал 50–60 рублей), то успокоились и жена, и Феликсова совесть.

Движущей силой всех краж был Николай. Он разрабатывал схемы с удивительной тщательностью и в то же время с дерзостью и остроумием. Проход через стены был его коньком, он всегда выбирал объекты в кирпичных или каменных строениях. Однажды он решил поживиться в магазине, торгующем электроникой. Николай несколько раз ходил туда, размышляя, как проникнуть внутрь и унести как можно больше магнитофонов. Потом он приказал Феликсу достать тележку и набрать на помойке два мешка пищевых отходов. Феликс выполнил все в точности не задумываясь.

Глубокой ночью братья пришли к стене магазина. Николай встал «на шухере», а Феликс принялся работать зубилом. Когда отверстие было достаточным, худощавый отец двоих детей пролез внутрь. Добычей стали 20 магнитофонов, которые друзья упаковали в мешки – такие же, как и другие, с отходами. На тележку уложили сначала магнитофоны, а потом уже начавшие вонять объедки, и на рассвете покатали телегу домой.

Неудивительно, что ими заинтересовался милицейский патруль.

– Что везете? – спросил сержант.

– Комитет комсомола поручил отходы для свинофермы собирать, – ответил Николай. – Вот всю ночь работали, отвезти осталось. Может, поможете? Давайте мы тележку к машине прицепим.

Сержант приоткрыл верхний мешок.

– Фу, вонь какая, – скривился он. – Нет уж, парни, давайте сами как-нибудь.

Так и довели богатство до дома. Немного поспав, Николай послал Феликса к обворованному магазину – посмотреть, что да как. И тот увидел на месте дыры свежие кирпичи. Никто не вызывал милицию, магазин работал как обычно.

Оказалось, что магнитофоны не были учтены. Директор магазина торговал ими на свой страх и риск, а выручку клал в карман. Кража для него была меньшим из зол, если бы о ней узнали и начали расследование, не миновать директору тюрьмы.

За магнитофоны братья выручили 15 тысяч рублей. На радостях отправились в Москву и кутили больше месяца. А потом вернулись в Ереван – почти без копейки.

Примерно так же они обокрали одну из сберкасс в Армавире. Разобрали стену по кирпичикам и вынесли 6 тысяч рублей. В тот раз кражу, конечно, никто скрывать не стал. Но воров поймать так и не смогли. Эти деньги тоже быстро утекли сквозь пальцы. Не беда, найдется новое дело, еще жирнее.

Но следующий поход за богатством обернулся неудачей. Братья решили обокрасть ювелирную фабрику. Знакомый работал там, знал, где лежат золотые слитки. Конечно, там была охрана. Но и кирпичная стена. Братья перемахнули через забор, разобрали кирпичи и начали набивать слитками рюкзак. Тяжесть жуткая, но делать-то нечего. И тут их через окно цеха увидел охранник и дунул в свисток, вызывая подмогу. Пришлось бросить золото и дать деру.

Нужно было искать новое дело. Николаю уже надоело брать помаленьку. Вот тогда-то он и вспомнил о предложении, которое сам же успел отвергнуть.

Пить и веселиться

Весна, вечеринка... Компания собралась в доме друга Калачянов. Среди гуляк был Завен Багдасян, сотрудник проверяющей банки организации. Изрядно подвыпив, он вдруг заявил:

– А давайте ограбим Госбанк.

Парня подняли на смех.

– Да какой идиот на такое решится, – Николай потрепал друга по плечу. – Это ж «вышак» с ходу. К этим деньгам подобраться нереально. Да и выбраться с ними невозможно.

– А я знаю и как попасть, и как выбраться, – не унимался Завен Багдасян.

Выпив еще рюмку, он рассказал про комнату отдыха сотрудников и про хранилище под ней. Он не работал в банке, но по долгу службы часто бывал в нем, заходил в разные кабинеты и хорошо знал их расположение. Мысль об ограблении пришла к нему давно. Но своими руками проворачивать дело он не хотел. А вот долю с добычи как наводчик получить был не прочь.

Для претворения плана в жизнь братья Калачян подходили идеально. Но затеяв разговор и видя, что к его словам относятся несерьезно, Багдасян распалялся и говорил все больше. Он сказал гораздо больше того, чем собирался. Рассказал, например, что потолок – единственное место, не оборудованное сигнализацией, что в выходные в помещении людей нет ни на одном этаже. «Наводчик» даже встал и, сопровождаемый хохотом, нетвердо прошел к двери.

– Я вычислил, где надо сверлить, – сказал Багдасян и поднял палец. – Заходишь, делаешь два шага прямо, потом один шаг налево. Тогда будешь точно над хранилищем.

– Дружище, заканчивай уже, – сказал Николай и повел рукой, будто отмахивается от чего-то. – Сам посуди, зачем нам это. Нам и сейчас удастся добыть копеечку без особого риска. А тут можно и жизни лишиться. Давай лучше наслаждаться ею, пить и веселиться. Держи рюмку.

Николай был искренен. Он на самом деле решил тогда не ввязываться в это рискованное предприятие. Но его мысли нет-нет да и возвращались к нему. Деньги из банковского хранилища могли обеспечить его на всю жизнь. После неудачи на ювелирной фабрике эти мысли не отступали. Хватит рисковать по мелочи, пора взять куш – и на покой. Делиться с Багдасяном совсем не обязательно. Он уже рассказал все, что мог. Но его рассказ нужно было хорошенько проверить. Николай поговорил с Феликсом. Тот после недолгого колебания согласился. Он настолько уверовал в способности брата, что не сомневался: он поведет на дело только в том случае, если риск будет минимальным.

Где достать детский зонтик?

Следующие несколько дней братья провели у фонтана что напротив Госбанка. Конец июня, в Ереване стояла страшная жара. Николай и Феликс, сменяя друг друга, чтобы не привлекать внимания, следили, как открываются ворота, как в банк заезжают машины. Смотрели, как ровно в шесть вечера из недр этого грозного учреждения высыпала толпа служащих, а милиционеры запирали массивные двери. Братья отметили, что после наступления темноты в окнах банка нет ни огонька и что милиционеры смотрят телевизор в своей сторожке, лишь изредка выходя покурить.

В один из будних дней Николаю под каким-то предлогом удалось пройти внутрь. На второй этаж его не пустили: здесь была наличность и соблюдался повышенный режим безопасности. А вот на третьем были кабинеты бухгалтеров и экономистов – обстановка обычного госучреждения с бумагами и папками. Только на окнах решетки. Здесь был туалет, в который для отвода глаз попросился Николай, и та самая комната отдыха. Парню повезло: когда он шел по коридору, кто-то из сотрудников как раз выскочил из нее, приоткрыв дверь. Мгновения хватило, чтобы вор увидел столы, гитары и магнитофон. Он запомнил дверь и на улице рассчитал, какое окно соответствует этому помещению. Действительно ли хранилище находится под комнатой отдыха? Проверить возможности не было, уточнять у Багдасяна не хотелось. Но все сходилось – окон ниже этажом не было, только глухая стена. Значит, два шага вперед, один влево.

Николай с Феликсом несколько ночей дежурили в подъезде дома напротив. Убедились, что ни одна смена милиционеров не утруждает себя ночными обходами. Около полуночи свет в сторожке гас, и первые движения фиксировались около 6 утра. Значит, на все про все есть 5–6 часов. Можно управиться. Но была одна проблема: если куски бетона будут падать с высоты на пол, охрана может услышать это. Нужно найти решение. И Николай нашел: тот самый детский зонтик.

– Коловоротом мы просверлим несколько отверстий и сделаем одно большое, – объяснял брат Феликсу. – В эту дырку просовываем зонт и раскрываем. После этого куски будут падать в него, а не на пол. Никакого грохота.

Правда, с зонтом вышла заминка. В разгар лета ни в одном магазине их не было. Николай вспомнил, что у его девушки Карине есть младшая сестра, у которой как раз есть нужный аксессуар. Он исподволь заговорил об этом с возлюбленной. Сказал, что дочка Феликса мечтает о таком, но мама нигде не может его достать. Николай предложил за зонт тройную цену, но девушка не согласилась. Она уговорила сестру и отдала братьям зонт бесплатно.

Воры приходили дважды?

Следователь Аствацетарян снова перечитывал протоколы осмотра места происшествия. Детский зонт, веревка, зубило, сверла, ножовка, пять бутылок из-под минеральной воды, – это то, что осталось в хранилище, не считая кусков бетона и денег, которые воры

не смогли унести. Осмотр двора и дома рядом тоже почти ничего не дал. Преступник или группа пробрались в этот дом, через чердак вышли на крышу и прыгнули в окно.

Чердак и крышу облазили вдоль и поперек. Кроме хлама, ничего не удалось обнаружить. Но чутье подсказывало Аствацетаряну, что что-то упустили. Он еще раз пробежал по списку улик. В денежном хранилище – 5 бутылок из-под минеральной воды «Джермук». На чердаке тоже валялись бутылки, только другой марки – «Арарат».

Следователь несколько минут смотрел в листок, потом распорядился вызвать опера, осматривавшего чердак.

– Вот эти бутылки были пыльные? – спросил он, ткнув пальцем в протокол.

Оперативник задумался.

– Нет, – ответил он. – На дне даже капли оставались.

– Поехали, – скомандовал Аствацетарян.

В полумраке чердака оперативник показал, где он нашел бутылки. Аствацетарян огляделся и подошел к стене, прилегающей к банковской стене. Луч фонаря выхватил проем, нескольких кирпичей не хватало, они валялись рядом. В протоколе осмотра об этом не было сказано ни слова. Оперативник пожал плечами: тогда ему показалось, что камни вывалились от времени. Но сейчас он видел, что выбоина совсем свежая. Кто-то пытался прорубить лаз в стене, но за кирпичной стеной дома была другая, банковская, сделанная из бетона. Справиться с ней преступникам не удалось.

– Виноват, – потупил взор оперативник.

– Я тоже виноват, мог бы сразу догадаться, – примирительно сказал следователь. – Ведь такие преступления готовятся не день и не два. Месяцами. А раму в окне сняли только в пятницу. Значит, сначала у них был другой план, собирались проникнуть в банк через стену. Но не рассчитывали наткнуться на бетон. А потом увидели, что окна нет. Вот и прыгнули.

– Повезло им, – опер присвистнул.

– А почему минералка разных марок, как думаешь? – спросил Аствацетарян.

– Правда, странно, – сказал опер, не ответив на вопрос.

– Не думаю, что они в одном магазине купили разные бутылки, – продолжил рассуждать Аствацетарян. – Они были здесь дважды. Думаю, первый раз в ночь с пятницы на субботу, а второй – с субботы на воскресенье. Могли, наверное, и в третий раз прийти, до утра понедельника все равно никто бы ничего не заметил.

Туалет на ремонте

С окном без рамы братьям Калачьянам повезло. Если бы ограбление было в другой день, план бы наверняка не сработал. Кстати, поначалу ограбление наметили и правда на другой день – на 22 июля. К тому времени Николай и Феликс все уже приготовили. Но на неделе поехали за город на шашлыки. Возвращались на такси и попали в аварию. Феликс сидел сзади и не пострадал. А вот Николай получил серьезную травму спины. «Скорая» увезла его в больницу, там сделали операцию. О том, чтобы идти на дело, не было и речи. Выписать обещали через месяц, но и тогда полноценные физические нагрузки были противопоказаны. Что делать? Отменить дело? Но ведь братья столько готовились, деньги, считай, уже в кармане. И тогда Феликс сказал, что пойдет на дело один.

Назначили новую дату: 5 августа. В тот вечер Феликс пришел в больницу «с вещами». Николай все тщательно проверил: одна веревка с завязанными узлами, чтобы спуститься с потолка хранилища. Еще одна веревка тоньше, ею Феликс должен привязать к ноге зонт. Зубило, чтобы расшатывать кирпичи и выскребать цемент. Ножовка и несколько полотен к ней, чтобы пилить арматуру. Перчатки, фонарь и три бутылки минеральной воды.

Вода – не блажь. Работать предстояло сначала на чердаке, потом в комнате отдыха и хранилище. Даже ночью в этих закрытых помещениях жуткая жара и духота.

Все инструменты уложили в большой рюкзак, в банке его предстояло набить деньгами. Николай предупредил: надо брать пачки с купюрами разного достоинства. Не только новые, но и мятые, бывшие в употреблении. Феликс послушно кивал. Когда за окном начало смеркаться, братья обнялись.

В темноте Феликс поднялся на чердак дома. При свете фонаря он принялся скрести цемент и расшатывать кирпичи. Работа была привычной, но здесь стена поддавалась плохо. Феликс обливался потом, но продвигался гораздо медленнее, чем рассчитывал брат. Он быстро осушил бутылки с водой. «Ничего, ближе к утру будет прохладнее», – думал он.

Когда удалось пробиться через первую стену, Феликс понял, что дальше будет труднее. Бетон оказался очень крепким, сверло продвигалось на микроны, хотя Феликс из последних сил налегал на коловорот. В отчаянии, устроив себе минутную передышку, Феликс вышел на крышу. И тут увидел, что в одном из окон третьего этажа нет решетки, да, собственно, и всей рамы. Грабитель подошел к краю – до окна было чуть больше трех метров. Феликс примерился. Да, он может допрыгнуть. И тогда не нужно пробиваться через стену. Феликс вернулся на чердак и собрал инструменты.

Прыжок оказался для Феликса совсем не трудным. Слегка ударившись коленкой, он очутился в коридоре, нашел нужную комнату и вскрыл зубилом дверь. Два шага прямо, один налево. Мешал стол, Феликс отодвинул его. Тем же зубилом вскрыл паркет и начал сверлить бетонный пол.

Здесь камень тоже сопротивлялся, хотя и был податливее. Феликс сверлил размеренно и методично. По его расчетам, время у него еще было. Но появилась другая проблема: воды больше не было. «Потерплю», – подумал он. Но вскоре он понял, что это не так просто. Работа отбирала слишком много сил, ночь была жаркой, и жажда чувствовалась все сильнее. Нажмем еще, еще...

Вскоре сверло провалилось: есть первое отверстие! Феликс поднес фонарь, луч выхватил внизу пачки купюр, плотно уложенные на стеллажах.

Работать становилось все труднее, лишенный воды организм отказывался слушаться Феликса. Он чувствовал, что может потерять сознание. Феликс вспомнил: брат говорил, что здесь есть туалет. Хоть бы из унитаза попить! Вор выбежал в коридор, нашел дверь, но на ней висела табличка «Ремонт». Феликс рванул, подскочил к крану, крутанул... Ни капли, вода отключена.

В панике Калачян начал дергать одну дверь за другой, вдруг где-нибудь стоит стакан воды. Пусто. Посмотрев на часы, Феликс понял, что закончить работу до рассвета не успеет. Нужно было расстаться с мечтами о богатстве и выбираться, пока еще есть силы для прыжка.

Ранний турист

Дверь в палату Николая открылась, он увидел изможденного Феликса с полупустым рюкзаком. Присев на постели, пациент молча выслушал рассказ неудачливого вора. Помолчав несколько минут, Николай сказал:

– Иди домой и поспи. А потом поезжай к банку. Побудь там, посмотри, что да как.

К удивлению Феликса, вокруг банка царил безмятежность. Ни намека, что кто-то заметил следы его ночных потуг. Феликс помчался в больницу.

– Надо довести дело до конца, – сказал обрадованный Николай. – Пойдешь сегодня?

Феликс кивнул. Когда стемнело, он проторенной тропой добрался до комнаты отдыха. С собой он взял уже пять бутылок минеральной воды. И пил теперь экономно, маленькими редкими глотками. Он просверлил еще несколько отверстий по кругу, протолкнул вниз зонт,

перепилил встретившуюся арматуру и надавил на бетон. Куски беззвучно посыпались в натянутую парусину. Образовалась дыра 30 на 34 сантиметра. Мало кто верил, что человек может протиснуться в нее. Но Феликс сделал это. Одно плечо опустил вниз, другое поднял к самому уху. И прошмыгнул по веревке.

Не теряя ни секунды, он принялся набивать рюкзак. Сначала новенькие пачки сторублевок, потом по пятьдесят, по 25 и по десять рублей. Как и велел Николай, Феликс старался брать и мятые купюры. Но все сторублевки были новыми, а забивать драгоценное место в рюкзаке мелочью не хотелось.

Наполнив рюкзак, Феликс стал подниматься. Но теперь в дыру не пролезал денежный мешок. Тогда на весу, держась за веревку одной рукой, Феликс развязал рюкзак и начал второй рукой бросать пачки наверх. Потом закинул в комнату отдыха рюкзак и выбрался сам.

Рюкзак весил около 32 килограммов. Два пуда – с таким долго не погуляешь. Выбравшись на улицу и пройдя два квартала, Феликс поймал такси. Водитель удивился: что за турист в такую рань!

– Только с поезда, надо к брату в больницу. Подвези?

Около больницы Феликс попросил подождать, пока он сходит за братом. Даже рюкзак оставил в багажнике. Знал бы водитель, что в нем, наверняка ударил бы по газам.

Рецепт безбедной жизни

Соблазн уйти в загул был велик, но братья справились. Деньги спрятали в комнате Николая под половицами. Феликсу босс выделил 3 тысячи мятыми купюрами и еще десять пачек новеньких сторублевок. Первая сумма – для семьи, вторая – на черный день. Пока Николай долеживал в больнице, Феликс съездил в Гюмри, порадовал жену и закопал 100 тысяч под ореховым деревом.

Николай тем временем напряженно думал. Он, конечно, заметил, что все сторублевки одной серии. И понимал, что их ищет вся милиция Союза. Мятые мелкие деньги можно тратить без опаски. Но долго ли на них проживешь – червонцами «всего» 100 тысяч. Такие деньги советский инженер и за жизнь не зарабатывал, но Калачяны собирались не отказывать себе ни в чем и никогда.

И решение пришло. В любой сберкассе можно купить облигации трехпроцентного займа. Это, как сейчас говорят, абсолютно ликвидные бумаги – их всегда можно так же легко поменять на наличность. Так что нужно обменять миллион на облигации, а остальное потратить на «самое необходимое»: квартира, дача, машина, джентльменский набор обеспеченного гражданина. И, конечно, на рестораны и девочек – этот пункт у братьев стоял первым.

КСТАТИ

Кроме других преимуществ, облигации давали доход – 3 процента годовых. Вложив миллион рублей, можно было получить 30 тысяч рублей в год. То есть 2,5 тысячи в месяц. Такие деньги в СССР зарабатывали разве что подпольные цеховики.

Рецепт безбедной жизни был найден. Но в Ереване соваться в сберкассах с «засвеченными» сотенными нельзя. Надо ехать в Москву. В 8-миллионном городе легче затеряться. Да и больше шансов, что в московских сберкассах сотенные не будут изучать слишком придирчиво.

Под присмотром милиции

Карине, девушке Николая, места в этом путешествии не было. В Москве Николая ждала другая зазноба – Людмила Аксенова. Они познакомились еще в прошлый приезд братьев в столицу. Людмила и Калачян отдыхали в одном ресторане за соседними столиками. Николай как бы невзначай уронил элегантный золотой браслет (он купил его как раз для такого случая). В зале было темно, Николай улыбнулся Люде, достал сторублевку и поджег, чтобы было лучше видно.

В зале воцарилась тишина. Даже музыканты на сцене перестали играть. Николай поднял браслет и протянул его Людмиле.

– Это ваше, – сказал он.

– Нет, что вы, – смутилась девушка.

– Я хотел сказать, это вам.

Конечно, красавица быстро оказалась в объятьях Николая. И теперь она была надежным запасным вариантом. Людмила готова была примчаться по первому зову, и как раз сейчас она была Николаю очень нужна. В том смысле, что на пути в Москву в сопровождении дамы он бы вызывал меньше подозрений. А ведь он собирался ехать с деньгами, так что предосторожность не лишняя.

Феликс уехал первым и подыскал жилье. Николай и Людмила двинули в путь в конце сентября. Девушка и не подозревала о деньгах, они лежали в чемодане, Николай сделал для них железный ящик и прикрыл его одеждой. У вокзала он погрузил свой и Аксеновой багаж на тележку носильщика:

– Иди, милая, к вагону. Я куплю что-нибудь перекусить.

Девушка засеменила за телегой. А Николай, чуть отстав, следил за ней. Милиция на перроне тщательно проверяла всех пассажиров и привлекающий внимание багаж.

Чемодан был тяжел, носильщик аж охнул, пытаясь затащить его на подножку. К Аксеновой подошли двое постовых и попросили предъявить содержимое.

– Чемодан не мой, а друга. Я не могу его открывать, – пожала плечами девушка.

– Тогда пройдемте в отделение...

Стоявший неподалеку Николай слышал этот диалог. Но не запаниковал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.